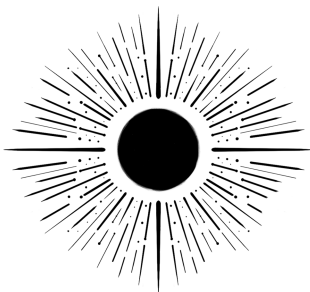

СОЛНЦЕ
И ЛУНА,
или Легенды Чосона

ХАЙНЦ ИНСУ ФЕНКЛ

КОМИЛЬФО
КОМИКСЫ И НЕ ТОЛЬКО
Москва
2025

УДК 821.531-3
ББК 84(5Кор)-44
Ф42

В оформлении обложки и во внутреннем оформлении
использованы иллюстрации *draft.Anna*

Copyright © Heinz Insu Fenkl, 2010
This edition published by arrangement with Massie &
McQuilkin Literary Agents and Synopsis Literary Agency

Фенкл, Хайнц Инсу.
Ф42 Солнце и луна, или Легенды Чосона / Хайнц Инсу
Фенкл ; [перевод с английского В. С. Сергеевой]. —
Москва : Эксмо, 2025. — 240 с. : ил. — (Комильфо.
Страшные сказки Азии).

ISBN 978-5-04-207957-3

«...Давным-давно жил мальчик, который очень любил сказки.
Он был ленив и не желал учиться, зато чужие рассказы мог слу-
шать от темна до темна».

Эти истории надолго запомнились ему и, став взрослым,
учёным, фольклористом, Х. И. Фенкл составил из них сборник
легенд Кореи, или Чосона, как её называли в древности.

В книгу вошли не только истории, рассказанные Х. И. Фен-
клу в детстве, но и современные городские легенды.

Мифы о девятихвостой лисе кумихо, происхождении луны
и солнца, духах сказок и множество других мистических историй
в сборнике «Солнце и луна, или Легенды Чосона».

УДК 821.531-3
ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-04-207957-3

© Сергеева В. С., перевод, 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ВСТУПЛЕНИЕ

ДАВНЫМ-ДАВНО...

...Давным-давно жил мальчик, который очень любил сказки. Он был ленив и не желал учиться, зато чужие рассказы мог слушать от темна до темна. Поутру он слушал болтовню соседей, днем докучал слугам.

«ДУХИ СКАЗОК»

Я тоже любил слушать рассказы взрослых. Моя семья была не настолько богата, чтоб держать слуг, поэтому я приставал к родным. Некоторое время я жил в квартале под названием Самнын (Три Могилы), в доме тетки. Мне было всего пять лет, и по неведению я называл ее мужа «хёнбу» — так обращаются к супругу стар-

шей сестры. В трезвом виде хёнбу почти каждый вечер рассказывал мне сказки. Он как будто обладал неисчерпаемым запасом баек и мог говорить часами, лишь бы я снабжал его растворимым кофе и американскими сигаретами. Хотя впоследствии я выяснил, что истории он черпал из самых разных источников, они навсегда остались со мной в том виде, как я услышал их впервые.

Моя мать — корейка, а отец — судетский немец, который вступил в американскую армию после Второй мировой войны. В Корею его отправили в начале пятидесятых. Когда в 1972 году отца перевели обратно в Германию, я только что перешел в седьмой класс. Учитель по английскому языку в школе для детей военных был очень строг — каждую неделю он задавал нам сочинение на два полных листа. Мне это удавалось с трудом, потому что я плохо умел писать большими буквами на бумаге в широкую линейку. Я рос в послевоенной Корее, где чистая бумага была дорога. Отец снабжал меня блокнотами, которые ему выдавали на службе бесплатно, однако национальная бережливость мне передалась. Я не обращал внимания на поля и вписывал между линейками по две строки. Кроме того, я предпочи-

тал блокноты, разлинованные уже, чем обычные школьные тетради. Иными словами, мои сочинения оказывались в пять раз объемнее, чем у других учеников.

Однажды вечером, тягостно размышляя, чем в очередной раз заполнить два листа, я решил записать одну из сказок, услышанных от хёнбу. Я постарался по возможности передать его манеру. Так в двенадцатилетнем возрасте я, страшно скучая по Корее и по родным, сделался писателем, переводчиком и собирателем фольклора, сам того не сознавая.

Спустя лунный цикл, то есть в двадцать четыре года, я дописывал магистерскую работу по литературному творчеству. Я начал исследовать корейский фольклор, поскольку включил несколько рассказов хёнбу в свой диплом, который впоследствии превратился в роман «Воспоминания о моем брате-призраке». К тому времени я прочитал все рассказы, вошедшие в собрание Чон Инсопа, в большинстве своем я их тоже слышал от хёнбу. Однако, обнаружив их в скверно переведенном на английский «Указателе корейских народных сказок» Чхве Инхака, я удивился. Этот «Указатель» содержит краткое содержание всех типов сказок в разбивке по регионам. Я обнаружил, что

80% из 766 историй мне знакомы, но в причудливой форме.

Хёнбу и старший мамин брат уверяли, что эти истории случились с нашими родственниками, предками, а то и с ними самими. Сказки в «Указателе» очень походили на те, что я слышал, однако всегда содержали отличия, природу которых я не мог понять. Отличаться мог один из персонажей, или место действия, или время, или концовка.

Читая «подлинные» варианты сказок, которые я знал с детства, я испытывал одновременно гнев и восторг. Сравнивая сказки между собой, я понял, что в отличающихся друг от друга эпизодах виден характер рассказчика. Хёнбу был склонен к преувеличениям, мамин брат обычно сочинял запутанные семейные истории и нагнетал тайну; еще один дядя, который прятался дома, чтобы избежать призыва на военную службу, как правило, заменял счастливые концовки трагическими. Тогда я и принялся за серьезное изучение корейского фольклора и историю его переводов на английский язык; я начал изучать теорию литературы, чтобы применять ее на практике. Хотя теперь я преподаю в университете литературное творчество, корейский фольклор остался моим

многолетним увлечением — это, так сказать, у меня в крови.

В 1984 году я получил стипендию Фулбрайта и сразу отправился собирать сказки у деревенских рассказчиков. Я делал это ревностно, вооружившись маленьким кассетным магнитофоном и прочей техникой, которая, как мне казалось, должна была составлять снаряжение профессионального фольклориста. И я действительно записал множество сказок, начав с деревни Самбонни (ныне на окраине Сеула), откуда была родом моя мать. День за днем я ездил по деревням, прихватив подарки для рассказчиков. Основной валютой были виски и сигареты «Мальборо» — просто удивительно, в каком количестве эти старики потрещивали и то, и другое. На выходных я перепечатывал записанное на портативной машинке.

Как-то раз я сидел за машинкой и вдруг услышал ту самую историю, которую печатал, по телевизору. Шла передача «Родина легенд», в которой каждую неделю рассказывали очередное местное предание. Сначала я подумал, что это чистое совпадение — знаете, как бывает: выучишь новое слово и тут же начинаешь слышать его со всех сторон. Но диалог по телевизору в точности повторял мою запись! До меня до-

шло, что я смотрю повтор и что даже в самых отдаленных деревушках есть телевизоры. Мой информант, вероятно, посмотрел передачу, когда она впервые вышла на экран, и запомнил то, что слышал. Когда я попросил рассказать мне какую-нибудь интересную местную легенду, он поступил как любой хороший повествователь — рассказал отличную историю, выдающиеся качества которой были удостоверены национальным телевидением.

Один мой коллега, работавший в КИРО (Корейский институт развития образования), раздобыл для меня несколько кассет с записями «Родины легенд». К моему разочарованию, некоторые записанные мной истории действительно оказались пересказами выпусков передачи. Моя наивная идея — собрать подлинный фольклор у местных рассказчиков — потерпела крах. Когда впоследствии я спросил своих информантов, зачем они пересказывают то, что слышали по телевизору, мне ответили: «Так ведь это интересно. Кому нужна дурацкая история о том, как Навозная гора получила свое название?»

Теперь я понимаю, что эти неожиданные трудности многому меня научили. Хотя поиски подлинного фольклора — сложная задача, про-

блемы, с которыми я столкнулся, лишь укрепили мое желание сохранить корейские сказания, пока они не забылись. Конечно, можно сказать, что я просто люблю сказки. Но не только. Когда я слушал их в детстве, они служили мне прибежищем. Они были входом в другой мир, который лежит параллельно нашему, а иногда с ним пересекается. Когда вокруг темно и мрачно, сказки предлагают невероятные перспективы, их устойчивые формулы даруют утешение во времена хаоса и непредсказуемости, в них есть вечные темы и незыблемый смысл, в то время как жизнь часто обрывается бессмысленно. В некоторых культурах мифы рассказывают особым языком, в котором нет ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Именно это для меня и воплощают собой сказки — освобождение от неизбежного и безжалостного течения времени.

У каждого рассказчика есть своя традиция. Я уже упоминал, что среди моей корейской родни было немало замечательных рассказчиков. Хёнбу, кстати, слушал еженедельную радиопрограмму, которая была популярна в шестидесятые, «Три тысячи ли по дороге легенд» — нечто вроде радиоспектаклей по мотивам местных сказаний. Когда я увидел сценарии, стало ясно, что хёнбу

запоминал наизусть целые выпуски, вплоть до спецэффектов.

Большая часть моих представлений о жанровых условностях и клише устного народного творчества почерпнута не только из сказок как таковых, но и из малобюджетной массовой культуры шестидесятых. В детстве я ходил в кино, когда только мог, иногда и по два раза в день, и пересмотрел все корейские фильмы ужасов, которые у нас показывали: «Красавица без шеи», «Откройте врата преисподней», «Король демонов», «Опухоль». Жалобный потусторонний голос молодой женщины, в бурную темную ночь зовущей своего возлюбленного, вероятно, уходит корнями в китайскую классику тысячелетней давности, но на экране этот образ обрел новую жизнь.

Когда я поступил в Калифорнийский университет и стал изучать одновременно литературное творчество и антропологию, то встретился с прекрасными преподавателями, которые до сих пор продолжают на меня влиять. В курсе русской литературы у Дэниэла Ранкур-Лаферьера, увлеченного любителя психоанализа, я изучал ранние повести Николая Гоголя в сборнике «Вечера на хуторе близ Диканьки». Именно благодаря Лаферьеру я познакомился с методологией

истолкования снов по Фрейдю. Также я учился у Мариан Ури, автора «Рассказов о былых временах», которая познакомила меня с легендами о японских лисах, кицунэ, и помогла отойти от буквализма в переводах корейского фольклора. Многому, что мне известно о классическом английском научном стиле, я узнал от нее. Также я занимался у Дэниэла Кроули: прикованный к инвалидному креслу из-за полиомиелита, он, тем не менее, попал в Книгу рекордов Гиннеса как самый активный в мире путешественник-колясочник. Узнав, что я интересуюсь устным народным творчеством, он предложил мне написать введение к своему собственному курсу в изучение фольклора; я выдержал это испытание и стал его ассистентом, что принесло мне немалую пользу. Также Дэниэл Кроули отправил меня в Беркли к Алану Дандесу, и тот подарил мне «Указатель корейских сказок», которым я пользуюсь и по сей день. Кроме того, мне посчастливилось заполнить редкое пятитомное собрание «Народных сказаний старой Кореи», которое Фредерик Кэрьер великодушно одолжил мне двадцать пять лет назад, будучи главой фонда Фулбрайта в Корее.

Черновик своей первой книги, «Воспоминания о моем брате-призраке», я закончил в 1984 году,

но издал ее только в 1996-м. К тому времени я бросил писать диссертацию по антропологии. Фольклор стал неотъемлемой частью моего творчества, и я решил, что охвачу больше читателей как писатель, чем как антрополог. Поэтому я отдаю дань уважения «Духам сказок» и предлагаю вам собрание переложений, над которыми потрудился как ученый, переводчик, редактор и писатель. Мальчик, который любил сказки, еще жив и не так уж сильно изменился.

Хайнц Инсу Фенкл

ДУХИ СКАЗОК

Давным-давно жил мальчик, который очень любил сказки. Он был ленив и не желал учиться, зато чужие рассказы мог слушать от темна до темна. Поутру он слушал болтовню соседей, днем докучал слугам. Вечером его отец и старик-сосед усаживались и подолгу вспоминали былые времена, а мальчик записывал то, о чем они говорили, вместо того чтобы учить уроки. Он писал на полосках бумаги, сворачивал их и прятал в мешок, который висел на крючке у него в комнате. За три года он доверху набил сказками три мешка.

Минул еще год, и настало юноше время жениться. Будущая невеста жила за горой, и однажды он собрался к ней в гости. Отец отрядил с ним одного из слуг. Всю ночь накануне путе-